

РАЗВИТИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Раскрыты важные исторические аспекты становления института прав личности на судебную защиту. Раскрывается история становления этого института в нашей стране.

Ключевые слова: Конституционный Суд; конституционное производство; Российская Федерация.

Как известно, Конституционный Суд в Российской Федерации (тогда еще в РСФСР) был образован 30 октября 1991 г. на основании действовавшей в то время Конституции и принятого Съездом народных депутатов РСФСР Закона «О Конституционном Суде РСФСР». В настоящее время Суд идет навстречу своему 20-летию, зримо символизируя действие принципа разделения властей в нашем государстве, защищая права и свободы человека и гражданина.

Судебная защита прав и свобод личности – это право на защиту человеком своих прав и свобод посредством суда как органа, представляющего одну из самостоятельных и независимых ветвей государственной власти. Зафиксированное в общем виде в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ как гарантированное каждому право на защиту его прав и свобод, право на судебную защиту имеет в самой Конституции еще ряд развивающих и уточняющих его положений.

Судебный способ защиты и отстаивания прав и свобод личности представляется наиболее «правильным» в ряду других путей, способов и приемов защиты прав в современном мире. Можно также предположить, что право на судебную защиту прав и свобод личности при рассмотрении его с позиций естественной теории происхождения прав уходит своими корнями в право каждого на защиту своей жизни как биологического существа. Это право на защиту своей жизни трансформировалось в современном конституционном праве в право каждого на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ).

Право на судебную защиту закреплено в авторитетных международно-правовых актах. Так, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека значится: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставляемых ему конституцией или законом» [1. С. 5].

Не менее определенно по этому поводу и утверждение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [1. С. 79].

Право на судебную защиту прав и свобод гарантируется каждому, т.е. всякому человеку, проживающему на территории нашей страны. Это обстоятельство специально было подчеркнуто в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г. № 6-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 31 Закона СССР от 24 июля 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» [2]. В постановлении Суда по этому поводу сказано: «Право на свободу и личную неприкос-

новенность и право на судебную защиту являются личными неотчуждаемыми правами каждого человека вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства и, следовательно, должно гарантироваться иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами Российской Федерации».

Позиция предельно определенная и ясная – кто включается в понятие «каждый» применительно к праву на судебную защиту, так же как и то, что и данные субъекты охватываются понятием «личность».

Впервые Конституционный Суд РФ столкнулся с одним из проблемных вопросов реализации конституционного права личности на судебную защиту в марте 1996 г. при рассмотрении дела о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами ряда граждан.

Суть дела состояла в том, что обратившимся в Конституционный Суд гражданам, а точнее – их адвокатам, при рассмотрении уголовных дел этих граждан в судах общей юрисдикции, связанных с нарушениями государственной тайны, было отказано в допуске к работе с материалами уголовных дел, т.е., по существу, в осуществлении защиты как таковой, поскольку последние не имели соответствующих разрешений (допусков) к работе со сведениями, составляющими государственную тайну. По мнению заявителей, т.е. заинтересованных граждан, налицо было нарушение их конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, включая помощь адвоката.

Как известно, согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ право на получение квалифицированной юридической помощи каждым является не только самостоятельным конституционным правом человека и гражданина, но и непременным условием реализации рассматриваемого нами права на судебную защиту. В данном же случае Суд усмотрел в отказе обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, а также в предложении обвиняемому (подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов – из числа бывших работников органов госбезопасности, имеющих допуски к государственной тайне, неправомерное ограничение конституционного права гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и права на самостоятельный выбор защитника, которые к тому же в силу ч. 2 ст. 56 Конституции РФ не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Существовавшая же на тот момент практика выдачи допусков к ознакомлению с материалами, содержащими государственную тайну, объективно вела к зависимости адвоката от органов уголовного преследования, в роли которых по данной категории дел выступали все те же органы Федеральной

службы безопасности, а в конечном счете это ставило защиту и обвинение в неравное положение, что противоречило бы принципу состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, также являющемуся конституционным принципом правосудия, закрепленным в ч. III ст. 123 Конституции РФ.

Конституционный Суд при этом нашел и другие аргументы, в частности, вытекающие из положения адвоката как участника уголовного процесса, что регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса (УПК РСФСР), где такого ограничения в отношении адвоката (защитника), тем не менее, назначилось.

В итоге Конституционный Суд РФ в данном деле признал распространение положений ст. 21 Закона «О государственной тайне» на адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, и отстранение их от участия в деле в связи с отсутствием допуска к государственной тайне, не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 48 и 123 (ч. III).

В январе 1997 г. жалобы гр-н Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова поставили перед Конституционным Судом другой вопрос, охватываемый проблемой реализации конституционного права на судебную защиту. Вопрос заключался в том, кто может выступать в качестве защитника гражданина при производстве по его уголовному делу: лишь адвокат, член соответствующей коллегии адвокатов, представитель профессионального союза и других общественных объединений по делам членов этих организаций или еще какое-либо лицо по выбору гражданина.

Сами названные граждане заявили в ходе предварительного следствия по их делам ходатайства о допуске в качестве защитников выбранных ими частнопрактикующих юристов, не являющихся членами коллегий адвокатов. Со ссылкой на положение ч. IV ст. 47 действовавшего в то время УПК РСФСР им было в этом отказано, после чего и последовали обращения в Конституционный Суд РФ [3].

В коллегии судей Конституционного Суда, принимавших участие в рассмотрении этого дела, а это была одна из палат Суда в составе 9 судей, развернулась острая и бескомпромиссная дискуссия вокруг поставленного вопроса. Решение в пользу адвокатов (защитников) – членов существовавших в то время коллегий адвокатов было принято большинством в один голос, а все четверо судей, оставшиеся в меньшинстве, опубликовали свои особые мнения [4. С. 119–139]. Оставшиеся в меньшинстве судьи убеждали коллег в необходимости допустить к участию в правосудии по уголовным делам и частнопрактикующих юристов, не являющихся членами коллегий адвокатов, но имеющих лицензию от государства на оказание платных юридических услуг, исходя из того, что право выбора защитника есть в первую очередь право самого подзащитного и оно должно иметь определяющее значение. Позднее позиция меньшинства судей по этому делу стала правовой позицией всего Конституционного Суда, что нашло отражение уже в ряде рассмотренных позднее Судом дел.

Попутно с решением поставленного вопроса Суд высказал свои позиции и по некоторым другим, связанным с рассматриваемым. В частности, он истолковал закрепленное в ст. 48 (ч. II) Конституции РФ право

пользоваться помощью адвоката (защитника) как одно из проявлений более общего права, гарантированного той же статьей Конституции – права на получение квалифицированной юридической помощи. Подобный логический прием определения одного права как условия и компонент реализации другого Конституционным Судом будет использоваться в дальнейшем неоднократно, в особенности применительно к конституционному праву на судебную защиту.

При этом возникают и некоторые вопросы. Так, подобный прием невольно наводит на мысль не только о взаимозависимости и взаимообусловленности отдельных конституционных прав личности между собой, но и о возможности их иерархической расположенности. Всякая же иерархия есть, как известно, не только упорядочение и классификация, но и определенная субординация, подчиненность. Если такой прием возможен в научном, теоретическом плане, то допустим ли он в реальной жизни, когда одно конституционное право человека будет заведомо объявляться подчиненным другому?

Суд в данном постановлении обозначил в постановочном плане и некоторые другие вопросы реализации права на судебную защиту: об обязанности государства обеспечить подготовку квалифицированных кадров юристов для оказания гражданам надлежущей правовой помощи, для чего установить для них (юристов) профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

Дальнейшим крупным шагом Конституционного Суда РФ в развитии понимания конституционного права на судебную защиту явилось его Постановление от 20 апреля 2006 г. № 4-П [5]. Примечательной особенностью этого постановления было то, что в нем одновременно рассматривались положения и материальных и процессуальных нормативных актов. Но, пожалуй, более важным при этом было другое, а именно использование Судом в данном деле при выработке своей правовой позиции такого логико-методологического приема, как рассмотрение основной конституционной нормы, регулирующей какое-либо право личности (в данном случае – это право на судебную защиту, закрепленное в ч. I ст. 46 Конституции РФ) в ее системной связи с другими, связанными с ней конституционными положениями.

Суд рассмотрел основную конституционную норму, предоставляющую каждому право на судебную защиту (ч. I ст. 46 Конституции РФ) не изолированно, а в ее системной связи со ст. 19 (ч. I), 46 (ч. II), 47 (ч. I), 50 (ч. III), 118 (ч. I), и 123 (ч. III) Конституции Российской Федерации, закрепляющими соответственно равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; право на обжалование и пересмотр неправосудных судебных решений, осуществление правосудия только судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, и пришел к весьма знаменательному выводу. Он решил, что «конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредст-

вом правосудия, отвечающего требованиям справедливости» [6. С. 84].

По существу, в приведенной формулировке содержится развернутое конституционно-правовое раскрытие сущности права на судебную защиту.

Использованный Судом в данном деле впервые прием, позднее используемый им достаточно часто, можно считать теоретической находкой Суда, которая позволяет ему выявлять подлинный конституционно-правовой смысл рассматриваемой нормы, выявлять, что называется, «дух» того или иного конституционного положения. Применительно к праву на судебную защиту этот прием ведет к расширению и упрочению его правовой базы, повышает обоснованность выводов и формулируемых Судом правовых позиций.

Это было продемонстрировано Конституционным Судом в его Определении «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 3 июля 2008 г. № 734-О-П [6. С. 388–395]. Суть дела состояла в следующем.

Судами общей юрисдикции гр-ке В. было отказано в удовлетворении ее искового заявления к администрации муниципального образования о компенсации морального вреда в связи с длительным неисполнением вступившего в законную силу решения суда.

В мотивировочной части Определения Конституционного Суда по данному делу содержится ряд новых утверждений, в обоснование которых использованы новые конституционные положения, позволившие Суду подойти к решению актуальной для нашего судопроизводства проблемы исполнения судебных решений. Так, Суд заявил, что обязательность исполнения судебного решения является неотъемлемым «конституирующим элементом» права на судебную защиту, носит публично-правовой характер, а само судебное решение «может быть реализовано лишь с помощью государства». В связи с этим сформирована более широкая, нежели в ранее принятых решениях Суда, правовая база права на судебную защиту, куда, кроме ст. 46 (ч. 1) Конституции РФ, включены ст. 71 (п. «в» и «о»), ст. 72 (п. «б» ч. 1), ст. 76 (ч. 1), и ст. 124 Конституции РФ, т.е. те нормы Конституции, где говорится об обязательствах государства и его органов власти по защите прав и свобод граждан, целях их законодательных актов и обязательствах государства по финансированию правосудия. Механизм исполнения судебных решений назван не только «неотъемлемой составляющей права на судебную защиту», но и «самого правосудия».

Отсутствие же в российском законодательстве положений, прямо предусматривающих возможность компенсации вреда, причиненного неисполнением судебных решений, вынесенных по искам к государству и иным публично-правовым образованиям, было объявлено законодательным пробелом.

Правота последнего утверждения Суда становится еще более актуальной, и проблема требует своего скорейшего решения в свете потока обращений наших граждан в Страсбургский Суд (ЕСПЧ), где проблема материальной компенсации за вред, причиненный неисполнением судебных решений, решена и можно предполагать, что возможность получения таких компенсаций для наших граждан является одной из причин их обращений в названный суд.

В результате отмеченных доводов и правовых обоснований Конституционный Суд дал конституционно-правовое толкование ст. 151 Гражданского кодекса РФ как норме, не препятствующей принятию решений о денежной компенсации в случаях неисполнения судебных решений по искам к Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям. Причем исполнение подобного рода решений прямо связывалось с требованием ст. 46 Конституции РФ, т.е. с правом каждого на судебную защиту.

Так, право на судебную защиту выступило основанием решения проблемы неисполнения судебных решений о компенсации вреда по искам к органам власти, и, возможно, федеральный законодатель в ближайшем будущем найдет правовой способ ее решения.

В дальнейшем Конституционный Суд РФ еще не раз обращался к данному логико-методологическому приему при рассмотрении дел, связанных с применением и толкованием права на судебную защиту. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 10-П от 21 апреля 2010 г. [7] данный прием использовался Судом не единожды при выработке решений по вопросам, составившим предмет его исследования. Причем даже в качестве базовых конституционных положений права на судебную защиту, помимо ст. 46 Конституции, назывались в разных правовых ситуациях различные другие статьи Конституции. Соответственно, и в качестве взаимосвязанных с ними в разных правовых ситуациях также назывались разные нормы и положения Конституции, что не может несколько не настораживать исследователя, поскольку при таком подходе «размывается» единое конституционно-правовое понимание права на судебную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Права и свободы личности: Международные документы. Комментарии* // Библиотечка Российской газеты. 1998. Вып. 19.
2. СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.
3. СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.
4. *Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России (1995–2001)*. М.: Палеотип, 2002. С. 119–139.
5. *Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ч. II ст. 10 Уголовного кодекса РФ, ч. II ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса РФ», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранивающим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами гр-н А.К. Айманова, Ю.Н. Александрова и других* (СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2058).
6. *Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения*. 2006. М.: Норма, 2007.
7. *Российская газета*. 2010. 21 апреля.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 января 2011 г.